

Виуэла приструнила московскую публику

Концерт Хосе Мигеля Морено

Коммерсантъ. - 2003. - 25 окт. - с. 9.

Музыка антиквариат

В рамках маленького фестиваля «Испанские вечера» (совместно организованного посольством Испании и дирекцией концертных программ российского Минкульта) в Рахманиновском зале консерватории дал концерт Хосе Мигель Морено — главный испанский специалист по старинным гитарам и соответствующим исполнительским приемам. Гитарную музыку XVI–XIX веков слушал СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Даже если выйти за границы его родной стихии, исторически информированного исполнительства, Хосе Морено нельзя не признать одним из самых известных музыкантов Испании. И, несмотря на все накопившееся отношение к гитаре как инструменту довольно незамысловато-

му, эта известность довольно-таки элитарная. Трудно различить, чем эта известность продиктована в большей степени — мастерством ли владения всеми щипковыми струнными (не только гитара, но и лютня, теорба, китаррон и прочие), ученостью ли специалиста по истории всех этих инструментов. Несмотря на широту его репертуара, его имя чаще всего называют первым, если речь идет об исполнении того куска испанской ренессансной музыки, который написан для виуэлы — протогитары, самого популярного на Пиренейском полуострове инструмента во времена от Христофора Колумба до Филиппа II. Тут уж критика не скужится на эпитеты типа «величайший», а записи, которые Хосе Морено выпускает (прежде всего на независимом лейбле «Glossa», одним из основателей

которого был он сам), получают самые лестные награды.

То, что творилось по случаю приезда этого человека в Рахманиновском зале, было просто неопределимо. Количество публики почти в два раза превышало стандартную вместимость зала, люди (и в их числе патриотичные чиновники испанского посольства) взволнованно толпились в проходах, зачастую усугубляя драматизм происходящего неснятой верхней одеждой (гардероб по случаю такого столпотворения впал в коллапс). После почти получасовой задержки музыкант вышел на сцену — и все увидели ту самую виуэлу. Инструмент казался непритязательным. Та же гитара, но поменьше, чуть более наивных очертаний, ну, гриф пошире, ладошка позамысловатее, дека с резными розетками, а не с дыркой резонатора.

Но вот сеньор Морено с каким-то трогательным благоговением положил руку на гриф — и непритязательный инструмент заговорил риторично и уверенно, чему мягкая акустика зала могла только способствовать. Слушая вещи самых знаменитых мастеров виуэлы XVI века, трудно было отделаться от двух мыслей. Во-первых, эта ученая музыка с изощренным контрапунктным кружевом весьма похожа на то, что в это же время создавалось в прочих музыкальных центрах Европы (и весьма мало похожа на общепринятый кастаньетно-разудалый стереотип «испанской гитары»). И во-вторых — как же мало эти звуки походили на привычную гитарную музыку, скваванную, жестковатую, небогатую изысканностью звука. Тут

скорее вспоминалась лютня, да и звук у виуэлы на поверку скорее лютневый, чем гитарный.

Может быть, это было заметнее всего во втором отделении, когда в руках исполнителя появилась уже романтическая гитара и звучали вещи едва ли не главного классика от гитары — Фернандо Сора (1778–1839), а также не менее известного Франсиско Тарреги (1852–1909). Конечно, это была уже совсем другая музыка (кстати, было видно, что музыкант на гитарах разных периодов действительно играет по-разному — разная аппликатура, пальцы могли или с картинной величавостью перемещаться по более широкому старинному грифу, или почти плясать по грифу более современной гитары, в обоих случаях добавляя музыке еще и неброскую визуальную прелесть). Более капризная, более виртуозная и почти игнорирующая собственную «гитарность» — слишком непохожи эти элегантные и хитроумно написанные багатели на то, чего мы привыкли ожидать от гитары, барочной ли, классической ли. Если закрыть глаза, то зачастую было сложно поверить, что слышишь именно гитару. Струнный со сцены звук, не только звонкий, но и отточено-округлый, напоминал то клавесин, то фортепиано, то благородную гулкость низких лютневых инструментов, то арфу. И сразу вспоминалось почему-то, как в «Свадьбе Фигаро» Сюзанна мимикрирует гитарный аккомпанемент песенке Керубино, в то время как из оркестровой ямы звучат переборы арфы. Благо же в опере Моцарта действие происходит в той самой стране, которая и породила гитарное искусство.

«Никакой живой традиции не осталось»

ХОСЕ МОРЕНО ответил на вопросы „Ъ“.

— Самый простой вопрос: чем же, собственно, отличается виуэла от барочной гитары? Очертания у них очень схожи.

— Это просто два этапа развития одного инструмента. У виуэлы было семь двойных струн, свои приемы игры, да и музыка, которую для виуэлы сочиняли, была особенная. Более ученая, что ли. Более утонченная. А потом сменилась мода. Вы же, наверное, знаете: в XVI веке у нас был король Филипп II, человек суровый и богомольный, а после него двор стал выглядеть совсем по-другому. У барочной гитары струн уже пять, тоже двойных. И музыка для нее несколько другая. Часто более тан-

цезвальная. Вообще, более светская, более доступная, что ли.
— Получается, что в XVI–XVII веках в Испании главенство-

вала гитара, а не лютня. Была ли борьба между этими инструментами, между соответствующими традициями?

— Да нет, особенной борьбы не было — эти два инструмента просто считали не чем-то различным, а двумя разновидностями; лютню в это время даже называли не лютней, а «фландрской виуэлой». И уж конечно, исполнители чаще всего владели обоими инструментами, тут специализации не было. Хотя виуэла действительно была — по крайней мере с XV века — более популярной.

— Тем не менее вы играете на виуэле именно ее репертуар?

— Да, исключительно. Круг композиторов, писавших специально для виуэлы, как ни странно, не очень широк (во

всяком случае, если брать дошедшие до нас источники), но уж в их-то случае, мне кажется, принципиально использовать именно этот инструмент.

— А осталась ли «вытесненная» виуэла живым инструментом? Сохранились ли какие-то традиции игры на ней, если не в академическом исполнении, то, может быть, в народной музыке?

— Нет, никакой живой традиции игры на виуэле не сохранилось — совсем. Остались только книги, трактаты по искусству игры и таблатуры того времени. И, конечно, сами старинные инструменты. Так что все пришлось восстанавливать. Как ту виуэлу, на которой я сегодня играю, — я восстановил ее вместе с женой уже 20 лет назад.